

Сирано де-Бержерак

ГЕРОИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ЭДМОНА РОСТАНА

Александр Максимович Горький, начиная с 1895 г., очень часто выступал на страницах прессы со статьями о литературе и искусстве. И в самарских, и в нижегородских газетах за период 1895—1901 гг. мы находим много статей Александра Максимовича и об отдельных писателях, и произведениях, о различных театральных постановках, о художниках и т. п. И в этих статьях, свидетельствующих о глубоком интересе писателя к вопросам искусства, характернейшей чертой является постановка Александром Максимовичем Горьким на конкретных примерах глубоко принципиальных вопросов о характере и роли искусства в жизни. Борьба за подлинное, здоровое, жизнерадостное искусство—против искусства, увозящего от действительности, против искусства «фирмы Бальмонтов» и др.—таков смысл статей Александра Максимовича. Эта черта Горького—критика ярко раскрывается и в публикуемой сегодня статье Александра Максимовича «Сирано де-Бержерак», напечатанной впервые в газете «Нижегородский листок» (№ 4, 1900 г.).

Герой комедии Ростана—один из тех немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников. Чем выше над толпой поднимается голова такого человека, тем больше ударов падает на его голову.

Эрколе Сирано де-Бержерак, бедный дворянин из Беарна, фаворит Генриха IV, был «комическим автором»—звание, которое носил и Мольер, современник Сирано, много позаимствовавший у него для своих бессмертных комедий. В то время—в первой половине XVII-го века.—немного было таких людей, как Сирано, его друг Теофраст Ренато, человек, издававший первую в свете газету, Баро, автор безчисленного количества песен, осмеивавших придворные нравы, посаженный в Бастилию кардиналом Ришелье за смелую

шутку над «Магометом», трагедией его пресвященства. Все эти люди были смелыми людьми—в них в крови было стремление к самостоятельности, к независимости,—это стремление дорого стоило в то время. Важный вельможа-феодал имел в своей свите—«поэта», и этот «поэт» был, разумеется, скоморохом или придворной знати, был их забавой—он был такой же модой, какой в нас во времена Екатерины были араны и разные уродцы... Он должен был сочинять стихи на все случаи в жизни вельможи, воспевать его любовниц, лошадей, друзей, его собак: он питался остатками от стола; иногда ему платили деньгами, иногда—пощечинами. Знать хвасталась талантами своих поэтов, как хвасталась красой своих кошек и собак.

Сирано де-Бержерак, остроумный и блестящий стихотворец, отчаянный бреттер и забияка, едкий насмешник,—не мог занять место придворного поэта и

жил впроголодь, но независимый, оборванный, но свободный. Многие из вельмож желали бы иметь его украшенном своей свиты, но он гордо отказывался от их предложений.

Во втором акте комедии Ростана Бержерак в ответ на убеждения своего товарища Де-Бра поступить на службу графа де-Гаш отвечает:

«Но что же делать мне, скажи мой бедный друг?

Иль подражать тому, что вижу я во-круг,

Забить об истине, звучащей благородно,
Не смелым быть орлом, но низким червяком.

И пробираться хитростью, ползком
Там, где хотел-бы вверх лететь свободно?

О, нет! Благодарю!

Дрожать и спивая гнуть,
Избрав хоть низменный, зато удобный путь.

Забыв о гордости и об искустве чистом
С почтением посвящать поэмы финансистам?

О, нет! Благодарю!

От избранных особ
Глотать с покорностью тьму самых глупых бедней,

Проставать часы в какой-нибудь передней

О, нет! Благодарю!

...В салоне в мариш, прижавшись
буффоном
Ловить усмешечки о восторженном поклоном

И улаживать капризный слух
Глухих, но чопорных старух
И дам, изломанных и чинных,
Читая им стихи в раздушенных гостин-
ных?

...Бояться пропустить какой-нибудь
визит.

Обдумывать слова, значение поэ-
жеста

И, наконец, зажить как пошлый пара-
зит.

Добившись тепленького места?

О, нет, благодарю! О, нет, благодарю!

Пусть лучше беден я, пускай я буду
нищим —

Довольствуюсь своим убогим я жили-
щем.

В нем я не уступлю, поверь, и ко-
ролю.

В нем я дышу, живу, пишу, творю,
люблю!..

Да! Я существовать хочу вполне све-
бодно.

Смеяться, как хочу, смотреть, как мне
угодно

И громко говорить и песнею моей
смущать врагов своих и радовать дру-
зей!

Не думать никогда о деньгах, о карьере,
А повзвучая дорогой химере

Лететь хоть на лувр, все исполнять
мечты.

Дышать всем воздухом, гордиться всей
свободой.

Жить жизнью одной с волшебницей
природой

Возделывать свой сад, любить свои
цветы!

А если, может быть, минует час суро-
вый

И муза, с нежностью вручит венок
лавоновый.

Благодаря судьбе, благодаря-ль уму —
Победу, наконец, восторжествует ге-
ний —

Всей дивной радости, всей славы
упований

Всего—ты слышишь-ли? — добиться
одному!

Ле Брэ.

Добиться одному? Да, это все пре-
красно...

Но только против всех бороться все-ж
напрасно!

Зачем себе врагов повсюду называть?
Какая странная манья!

Этот добряк Ле Брэ не понимает
счастья иметь врагов, ему недоступно на-
слаждение быть ненавидимым, он не зна-
ет, что кого многие не любят—тот много
стоит... Сирано прекрасно знает все это.

«А что-же?»—говорит он Ле Брэ.

«Всех, как вы, огульными называть
и, профанируя те чувства дорогие,

Считать десятками излюбленных дру-
зей?

Нет! Эти нежности не по душе моей,
Не выношу я лжи и мне сказать
прятливо

«Сегодня я нашел себе еще врага!»

...Я не хочу любви! Да, это мой порок!
Не надо нежностей! Я буду одинок!

Пускай вокруг меня шипит и зыбется
злоба.

Пусть ненависть меня преследует до
проба.

Я буду этим горд!

Думать так даже в наши дни не при-
ято. Опасно думать так. Встать одному
против всех—кто это может? За эту дер-
зость в лучшем случае назовут Дон-Кихотом и посмеются, но — вероятнее, —
раздавят. Да, вырвут сердце и, бросив в
грязь, растопчут ногами. Де-Гиш преду-
предждает Сирано:

Скажите—вы читали Дон-Кихота?

Сирано.

Читал...

Де-Гиш.

И чтож вы скажете о нем?

Сирано.

Что шляпу снять меня берет охота

При имени его одном...

Де-Гиш.

Послушайте вы моего совета

И поразмыслите-ка вы...

На счет 13-ой главы.

Сирано.

Глава о мелк пшцах...

Де-Гиш.

Глава полезна эта...

Да; в битве с мельницей случается
легко,

Что крылья сильнее забросят далеко

Того, кто с ней осмелится сражаться.

Она отбросит в прячь.

— А вдруг—за облака!?—гордо вос-
скакивает Сирано.

Сирано де-Бержерак—это личность, та
самая личность, которая, говорят, не име-
ет никакого значения в ходе истории, но
которая, тем не менее, всегда может
ускорить движение жизни, если захочет
этого. Как по лув корабля в соленых во-
дах моря пристают различные морские
паразиты и, нарастая на судне огромной
массой, замедляют ход его среди волн.—
так в нашей жизни присасываются мно-
гообразные предвассудки и, питаясь сока-
ми ее, духом человека,—уродуют ее, ме-
шают ей идти свободно к истине и
красоте. Борьба с этими чувственными на-
ростами на теле жизни, борьба с пош-
лостью и глупостью людей, со всем, что
не честно, не красиво, не просто—это
борьба, которую всю жизнь вел Сирано
де-Бержерак, герой блестящей остроумней
комедии Ростана.

Быть может в жизни Бержерак был не
таким, каким является в изображении
умного французского писателя—что нам
до этого? В героической комедии мы име-
ем перед собой беззаветно смелого гаскон-
ца, язык которого остер, как шпага, а
шпага пряма и метка, как язык. Мы ви-
дим перед собою сумасброда, весельчака,
который убивает пошлость и глупость,
воплощенную в лице маркиза Вальвер.—
убивает ее, весело декламируя стихи.

Сцена дуэли с Вальвером—одна из луч-
ших сцен комедии. Вот она, эта «бала-
лада о дуэли, которую имел поэт де-Бер-
жерак в бездельничьем олимпе».

дано (делая то, что говорит в стихах).

ий фетр бросая грациозно,
землю плащ спускаю я...
перь же—появляясь грозно
шпага, верная моя!

и движенья ловки, пылки,
оба слышна и верев глаз,
обиз! Предупреждаю вас,
попаду в конце посылки...
(Обмены ударами шпаг).

е жаль вас! Где вам воевать?
чем вы приняли мой вызов?

ада-же вас пошпиговать,
редостройший из всех маркизов?
аро? Или крылышка у васок?

то подцепить на кончик вилки?
как решено—сюза выт—в бое
попаду в конце посылки!

отступайте? Вот так.
еже полотно вы стали?

ий прут! Какой же вы чудак!
каль вы так боитесь стали?
та девался прежний жар?
а вы грустней, пустой бутылка!
отражаю ваш удар
попаду—в конце посылки!
(Торжественно заявляет)

сылка!
спытаться, прини! Бюнеп вас ждет...
а! У вас дрожат все жилки?
... два... пресек... три... фонта...
(Ударяя шпагой в бое маркиза).

а попал в конце посылки!
(Кланяется падающему Вальверу).
то красиво. Но, разумеется, мало ве-
то и ей богу, жаль, что не вероятно.
лучше оразу убить человека, читая
лучше медленно и долго увечить его
языки моральных сентенций.

тот сумасброд гасконец любит людей,
они ни были. Он вступается за
ицу Гили; он, дворянин, в товари-

пескх отношениях с трактирщиком-по-
этом Рагно; он полует руку продащицы
за буфетом театра потчательно, как руку
знатной дамы и раскланивается с нею
как с герцогиней, благодаря ее за пиро-
жок, который она дает ему, голодному. В
XVII века такое отношение к людям со
стороны дворянина совершенно не обыч-
но. Сорвав спектакль в театре и, выгнав
со сцены актера Манфлера, он вознаграж-
дает его товарищей, бросив им весь свой
кошелек и сам остается без копейки.

Ле-Брэ (говорит ему).

Ты будешь голодать!

Сирано (просто отвечает).

Что-ж? Надо все изведать!

Я должен знать—как тем, кто никог-
да не ест, жипрется на земле.

Но при духовной красоте—Сирано де
Бержерак—урод. Он любит и страдает,
ибо для него не тайна, что он—урод. На
его смелом лице вырост огромный, неле-
пый нос. Де-Бержерак знает, что женщи-
на, которую он любит, не отдает ему сво-
его сердца. Вот как он жалуется другу
Ле-Брэ на свой нос.

Ле-Брэ (говорит ему):

Или и вот с таким же жаром

Ей про любовь свою отерой.

Сегодня на ее глазах не даром

Ты вел себя как истинный герой.

Сирано,

Ах не смотри на все сквозь розовую
призму,

Поверь, что этот нос вредит и
геронизму...

Да, друг мой... иногда случается
со мной,

Что в сад какой-нибудь я забреду
весной...,

Все тихо... В небе звезд сверкает рой
алмазный,

И этот бедный нос огромный,
безобразный,

Вдыхает с жадностью апреля аромат...
И странные мечты вдруг у меня

забродят...

Я вижу—парочки, обнявшись нежно
ходят

И залиты луной о чем-то говорят,
И шипаются сиренью...

Тогда я думаю: ужели и ко мне
Не суждено слететь такому упоенью?
В мечтах забудусь я... И вдруг...
гигантской тенью

Несчастный профиль мой я вижу
на стене...
Прощай иллюзия! Я счастлив был—
во сне!

И на этой канве—на страданиях кра-
сивой, благородной и пылкой души, зак-
люченной в уродливую внешность, на
страданиях благородного среди пошлости
Ростан написал свое прекрасную, весе-
лую и трогательную комедию, колорит-
ную, остроумную вещь. Излагать ее содер-
жание последовательно я не стану: в ней
фабула—не главное, главное в ней—ее
герой сумасброд-гасконец.

Вся пьеса на редкость красива и остро-
умна. Как она переведена.—это видно по
приведенным обильным выдержкам. И я
не откажу себе в удовольствии привести
еще одну, большую, сильно сотканную из
острот и ярею рисующую, как характер
героя, так и талант автора.

Маркиз Вальвер хочет состричь над но-
сом Сирано. Он делает это так: фатовато
подбоченясь, подходит к газконцу и гово-
рит ему:

«Послушайте... ваш нос... ваш нос...
ваш нос... велик ужасно.

Сирано (спокойно). Да, ужасно.

Вальвер не находит ни слова еще и
преглапно смеется.

Сирано.

Как видите, я это перенес.

Что ж дальше? Ничего? Напрасно.

Я откровенно вам скажу,

Вы... были не красноречивы...,

Нет, не шутя, я нахожу,

Что лучше пошутить могли вы.

Все время изменяя тон,

Могли не пошутить вы носа,

Могли сейчас со всех сторон,

Коснуться этого вопроса.

Так, например—задорный тон:

— О если б нос такой мне дан был
провиденьем,
То ампутации подвергся-б тотчас он!..
Тон дружеский и с легким сожаленьем:
— Наверно, вам мешает пить ваш нос
И наполняет чашку вашу,—
Хотите закажу я вам большую чашу?
Тон описательный: — Да это так!
Угес!
Мыс? Что я—во мыс, а полуостров
целый.
Тон любопытный и несмелый:
— Позвольте вас спросить—что это
за предмет,
Черныльница или футляр для ножиц?
.. Тон шеголя: — Ага! всегда
поклонник моды
Я вижу изобрел ты вешалку для
шляп...
Удобно, слова нет, и класть не надо
в шкаф.
.. А вот—наивный тон:—прекрасный
монумент!
Когда для обозрения свободен он?
Тон недоверчивый—оставьте
ухищренья!
К чему шутить со мной?
Отлично знаю я, что нос ваш
наклейной.
А вот вам тон умильный:
— Какою вывеской чудесною и
стильной
Для парфюмера мог ваш нос служить?
Почтительный. — Давно-ль, позвольте
вас спросить,
Вы этой башнею владеете фамильной?
Осыпав маркиза градом своих острог,
Сирано заключает свой урок нахаду:
Вот, сударь, чтоб могли вы мне
наговорить,
Когда-б хоть каплею рассудка
обладали
И то—сдва-ль:
Вы не сумели-б рта раскрыть,
Как замололи-б моментально.
Сам над собой шутить я господин,
Но, если вздумает другой шутить
нахально,

Я замолчать его заставлю в миг один!..
Знать себе пену в ту эпоху придвор-
ного раболепия — крупное достоинство
для человека. Знать себе пену всегда —
хорошо бы для каждого из нас, уметь по-
стоять за себя—необходимо нам, отчаян-
но необходимо во дни холопства, растления
духовного теперь, когда достоинство че-
ловека пенится, право-же, не выше, чем
пенилось оно тогда, во времена де-Берже-
рака и Мольера,—важного Мольера, ко-
торый принужден был пресмыкаться пред
пустоголовыми маркизами. В героической
комедии Ростана есть много уроков за-
щиты своего я. В центре этой пьесы сто-
ит гордая фигура храбрца-поэта, стоит и
громко, звучно поет:
— Дорогу гвардейцам гасконским!
Мы дети одной стороны.
И нашим королям баронским,
И нашим мечам мы верны...
Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны.
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены...
Это, знаете-ли, страшно хорошо—быть
рожденным с солнцем в крови! Если-б
нам, людям, кровь которых испорчена
пессимистической мутью, отвратительны-
ми, отравляющими душу испарениями то-
го болота, где мы блещем,—если-б в на-
шу кровь хоть искру солнца!
Но будет. Сирано де-Бержерак давно
умер. Мы, к сожалению, живем:.. т.-е.—
вернее,—мы все рассуждаем, как нам
жить. В этом вопросе—вся жизнь живу-
щих сознательно... Безсознательно живу-
щие—более счастливы в сравнении с
нами.
Послушаем, как умирает гасконец Си-
рачо,—это очень поучительно. Враги, ко-
торых он всегда желал и которых у него
было так много, разбили ему голову брев-
ном, не сумев проткнуть сердце шпагой.
Это факт исторический. Он, Сирано, меч-
тал так:
.. В румяный час заката
Сражен рукою честного солдата,
На поле битвы и хотел бы лечь,

А не больному под домашним кровом
И, принимая в сердце острый меч,
Ответить смерти острым словом.
По его изувечили на улице Парижа в
1645 году, в вот, как он, с разбитым
черепом, в котором уже помутился мозг—
встретил смерть. Ему кажется, что тем-
ные силы, среди которых он прожил
жизнь, с которыми боролся, собрались и
идут на него. Выхватывая меч из ножен,
он кричит навстречу им:
Что говорите вы, сойдясь сюда толпою?
Вас сотни? Тысячи? Стоите вы стеною!
Ага! Я узнаю вас всех!
Вы—старые враги! Ты—ложь!
(Рубит мечом воздух).
Вы—предразсудки! Ты—подлость! —
вот тебе!
А, змеи клеветы! Вот вам!
Чтоб сдаться я? Оставьте шутки!
А, глупость, страшный враг! Вот,
наконец, и ты!
Я знаю, что меня стомает ваша сила,
Я знаю, что меня ждет страшная
могила,
Вы одолеете меня, я сознаюсь...
Но все-таки я бьюсь... я бьюсь...
а бьюсь!
И он рубит мечом, пока не падает на
землю мертвый.
— Ах, как это нереально. Ах, как не-
правдиво! — воскликнут люди с кислой
кровью в жилах.
Да, это неправдиво. Но это красиво, и
умереть так лучше, чем умереть по при-
нятому обыкновению, с пузырьком мик-
стуры в руке, вместо меча, со стоном бо-
ли на устах, вместо крика гнева, среди
друзей, быть может, огорченных вашими
страданиями, но уставших смотреть на
вас—желтого, иссохшего и жалкого,—
вместо врагов, радостно соприобщающих
вас в могилу...
Пьеса Ростана возбуждает кровь, как
шампанское вино, она вся искрится
жизнью, как вино, и опьяняет каждой
жизнью.